

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Роман Сенчин. ДО СЛАВЫ. Предисловие</i>	7
В ХОЛОДЕ И ЗОЛОТЕ.....	27
ОН, ОНА И ВОДКА.....	51
ЗАГАДКА.....	64
ЧУДАК.....	91
НА ИЗБИГУЮ ТЕМУ.....	99
ОРО. <i>Сказка</i>	155
ЛЮБОВЬ, ВЕРА И НАДЕЖДА. <i>Этюд</i>	163
ДВЕ ВСТРЕЧИ. <i>Стихотворение в прозе</i>	172
РОЗОЧКА. <i>Из времен моего студенчества</i>	177
ИСПОВЕДЬ УМИРАЮЩЕГО.....	192
ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ.....	199
СЛУЧАЙ.....	203
ПОСЛЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЭКЗАМЕНОВ.....	223

НАС ДВОЕ	232
ПАМЯТНИК. <i>Эскиз</i>	247
ГИБЕЛЬ САМОЗВАНЦА	265
МАТЬ	274
ИЗ ЗАПИСОК АЛКОГОЛИКА	290
ДЕЛО ПРОШЛОЕ	299
ГРОШОВЫЙ ЧЕЛОВЕК	322
ДЕРЖИТЕ ВОРА!	327
ТОРЖЕСТВО ФИТЮЛЬКИ	426
БУЯНИХА	473

ДО СЛАВЫ

Сложная судьба у произведений Леонида Андреева. Первый же сборник рассказов, вышедший в 1901 году, принес ему редкую, настоящую славу. Книгу сметали с полок, за последующий год ее переиздали четырежды, а затем, пополнив новыми рассказами, еще несколько раз. Общий тираж составил почти 50 000 экземпляров. Огромный по тем временам.

Андреев был одним из самых известных и модных писателей в России вплоть до Октябрьской революции. Впрочем, многие собраты по цеху постепенно разочаровывались в нем. В 1907-м дала трещину дружба с Максимом Горьким из-за рассказа “Тьма”; симпатизировавший Андрееву Лев Толстой, прочитав “Тьму”, отреагировал так: “Его хвалят, и он позволяет себе писать Бог знает как”; Александр Блок, еще недавно трепетавший перед автором “Красного смеха” и “Тьмы”, в статье “Ответ Мережковскому” (1910) сказал об Андрееве: “Он стал пародией своей собственной муки...”

После начала Первой мировой войны поддерживавший ее (правда, со своих позиций) писатель потерял

и оставшихся товарищей, в прессе его новые произведения или ругали, или обходили молчанием, хотя книги по-прежнему раскупали — на зависть многим.

После революции Андреев оказался в своем огромном доме на территории обретшей независимость Финляндии; Петроград, в который он несколько раз приезжал в конце 1917-го — начале 1918-го, вскоре сделался недоступен — в апреле граница была закрыта.

О нем и его произведениях, многие из которых словно бы предсказали ужасы, обрушившиеся на Россию, стали забывать.

В 1930 году в Советском Союзе вышел последний сборник рассказов Андреева перед продлившимся больше четверти века молчанием. В годы оттепели его прозу и драматургию стали переиздавать, но далеко не всю; однако и это *не всё* породило всплеск интереса к его творчеству. Необычный, сильный, страшный писатель. Зарождавшуюся вновь моду на Андреева пригасили — кроме выпущенного в 1971 году, к столетию со дня его рождения, двухтомника “Повести и рассказы” — большинство сборников до начала 1990-х повторяли друг друга. Многие экзистенциальные его произведения советскому читателю известны не были.

В основном это рассказы 1898–1903 годов, вписавшиеся в рамки русского критического реализма, плюс “Красный смех” об ужасах империалистической войны (в данном случае Русско-японской), “Рассказ о семи повешенных” о жестокости царских палачей по отношению к революционерам, “Полет” о смелом авиаторе. Школьникам был рекомендован рассказ “Кусака”.

В конце 1980-х — начале 1990-х, когда на территории гибнувшего СССР вновь стал гулять “красный смех” и запахло новой революцией, об Андрееве вспомнили.

Написанные почти за век до этого произведения Андреева оказались своевременны. Его вновь стали называть пророком, человеком, заглянувшим, а то и вглядевшимся в бездну; оказалось, что он родоначальник не только русского, но и мирового экспрессионизма в литературе, что задолго до Камю и Сартра описал экзистенциальный кошмар, что его неоконченный роман “Дневник Сатаны” повлиял на европейскую и американскую литературу двадцатых-тридцатых годов.

В 1994 году вышли разом две книги неизвестных у нас публицистических произведений Андреева “SOS” и “Верните Россию!”; были опубликованы фрагменты дневников.

В 1990-м в издательстве “Художественная литература” начали выпуск первого с дореволюционной эпохи собрания его сочинений в шести томах. У этого собрания непростая история — издание растянулось на семь лет. Тиражи ярко демонстрируют, как вновь падал интерес к Андрееву. Если тираж первого тома, в который вошли по большей части хорошо известные, многократно переиздававшиеся рассказы и повести, составлял 300 000 экземпляров, то шестого, куда вошли малоизвестные и неизвестные произведения, — 20 000.

Поражает и такое в выходных данных шестого тома: “Сдано в набор 11.02.91. Подписано к печати 26.01.96”.

Правда, у нового собрания (издательство “Наука”), на сей раз “Полного собрания сочинений и писем”, ака-

демического, судьба еще сложнее. Первый том вышел в далеком уже 2007 году. С тех пор выпущены — почему-то вразнобой — тома пятый, шестой, тринадцатый, четвертый и последний на данный момент (если не ошибаюсь) — седьмой в 2022 году. Тираж не указан, найти эти книги в продаже очень сложно, а некоторые тома и невозможно...

Так что большинству читателей Леонид Андреев известен по давно сложившейся обойме произведений — “Баргамот и Гараська”, “Ангелочек”, “Иуда Искариот”, “Красный смех”, “Большой шлем”, “Жизнь Василия Фивейского”, “Жизнь человека”, “К звездам” и еще десятку повестей, рассказов и пьес, которые, перетасовывая, регулярно выпускают различные издательства.

Это лишь вершина айсберга, по которой узнать творческое наследие Леонида Андреева и его самого как личность — практически невозможно.

История совершает очередной виток. И вместе с этим витком возвращаются произведения Андреева, вроде бы давно потерявшие свою значимость и актуальность. Например, повесть “Иго войны”, вышедшая впервые в альманахе “Шиповник” весной 1916 года (“без последующей перепечатки”) и переизданная в шестом томе собрания сочинений в 1996-м. Примерно тогда я — двадцатипятилетний, еще бессемейный — ее прочел и, оценив как недостоверную, слабую, перекачанную этой пресловутой, теперь уже абсолютно искусственной *андреевской мукой*, казалось, о ней забыл.

Повесть, написанная в форме дневника, показывает мысли и эмоции сугубо гражданского человека, немолодого и не вполне здорового, во время войны. Страх, стыд, недоумение, горе, патриотический подъем, депрессия, попытка покончить с собой, просветление, скорее всего, временное и ложное...

На третьем году СВО я вспомнил об “Иге войны”. Перечитал и поразился, насколько точно Андреев показал в том числе и мое состояние. Да, *в том числе...* Заглянул в интернет, увидел свежие отзывы на эту повесть: “Невероятно сильная книга. Особенно сейчас”, “Это самое сильное, что я прочитала в последнее время. Вроде бы никаких сверхдел, сверхтрагедий. Какой-то служащий, его мысли, его принятие происходящих событий. Но буквально с первых страниц я себя поймала на мысли, что он озвучивает мои мысли, очень неправильные и неудобные”.

А на портале “Торький” недавно вышла большая статья Ивана Слепцова, посвященная повести, приводятся обширные и щемящие сердце цитаты. Да, “Иго войны” предельно злободневно сегодня. К сожалению...

Новый всплеск (а может быть, это будет более продолжительный период) интереса к Андрееву произошел совсем недавно в связи с выходом в “Редакции Елены Шубиной” книги Павла Басинского “Леонид Андреев: Герцог Лоренцо”.

В центре внимания автора детство, юность и молодость Андреева, которая закончилась со смертью его музы и первой жены Александры Велигорской в 1906 году.

Кроме известных, переиздававшихся произведений своего героя, Павел Басинский упоминает или оста-

навливается на тех, что не входили в андреевские книги — “В холоде и золоте”, “Он, она и водка”, “Розочка”, “Из записок алкоголика”, “После государственных экзаменов”...

Я предложил “Редакции Елены Шубиной” выпустить сборник ранних рассказов и повестей, которые сам Андреев не включил в прижизненное собрание сочинений; нет их и в собрании сочинений 1990-х. Думаю, читателям будет интересно, с чего начинал один из лучших русских писателей рубежа позапрошлого и прошлого веков, что он посчитал недостойным переиздания, а то и публикации. Но что бережно, в отдельных папочках хранил до конца жизни.

Согласие было получено, и вот сборник выходит.

Что же найдет в нем читатель?

Принято думать, что Леонид Андреев оказался в литературе почти случайно. Дескать, писал для московской газеты “Курьер” судебные очерки, однажды ему предложили сочинить пасхальный рассказ, и он сочинил. Вернее, взял случай из своего орловского прошлого. Так появился “Баргамот и Гараська”, после публикации которого Андреев проснулся знаменитым. И рассказы, повести посыпались как из рога изобилия.

На самом деле он мечтал (и готовился) стать писателем с юности. Девятнадцатилетним написал в дневнике: “... Я хочу в своей книге подействовать на разум, на чувства, на нервы человека, на всю его животную природу. Я хотел бы, чтоб человек бледнел от ужаса, читая мою книгу, чтоб

она действовала на него как дурман, как страшный сон, чтоб она сводила людей с ума, чтоб они проклинали, ненавидели меня, но все-таки читали ее...” (Дальше цитировать по нынешним временам небезопасно.)

Такой будущей книгой виделась не беллетристика, а философия. Андреев был увлечен Шопенгауэром, Гартманом, трактатом “В чем моя вера?” Толстого.

Но в итоге все же шагнул в беллетристику — в 1892 году в петербургском еженедельном журнале “Звезда” (которую за легковесность материалов называли “Звездочкой”) был опубликован рассказ студента-первокурсника юридического факультета Петербургского университета Леонида Андреева “В холоде и золоте”.

Рассказ был подписан “Л.П.”, что можно расшифровать как “Леонид Пацковский”, по девичьей фамилии матери. Позже Андреев подпишет этим псевдонимом рукописи рассказа “На избитую тему” и сказки “Оро”. Рассказы “Он, она и водка”, “Загадка”, “Чудак”, напечатанные в “Орловском вестнике” в 1895–1896 годах, подписаны “Л.А.”. С такими криптонимами славы ожидать, конечно, сложно.

В своей книге Павел Басинский делает интересное замечание — литературный дебют Андреева совпал с дебютом Максима Горького — публикацией в газете “Кавказ” рассказа “Макар Чудра”. (Кстати, Горький отстал на полгода.) Но будущий “буревестник революции” сразу занялся писательством всерьез и спустя шесть лет, когда появился андреевский “Баргамот и Гараська”, встретил молодого автора в ранге почти классика.

Сюжет, герои Андреева отсылают к “Бедным людям” и “Униженным и оскорбленным” Достоевского. (Через

два десятка лет он заявит: “Из ушедших писателей мне ближе всех Достоевский”). Герои — забытые нуждой мать и ее сын-студент. Денег платить за квартиру нет, сын идет по объявлению наниматься репетитором. Дом оказывается богатый, действительно — в золоте. “Господи, роскошь-то, роскошь какая!” — восклицает мысленно студент. На его удивление хозяйка дома встречает его ласково, даже дает аванс. Но тут появляется ее муж и заявляет, что репетитор уже найден; студент уходит, оставляя аванс на столике. А муж выговаривает жене за то, что принимает “прощелыгу”. Далее автор настойчиво показывает нам, что хозяйка дома находится здесь в золотой клетке, муж ее мучает, правила *света* ей тягостны. Ей жаль и юношу-студента, и себя, и из глаза ее выкатывается слезинка...

Для двадцатилетнего человека рассказ вполне неплох. И его публикация Андреева поначалу воодушевила.

В письме своей орловской знакомой Дмитриевой он сообщает: “Ну, голубушка моя, кажется, в моей жизни наступает поворот к лучшему. Есть два факта. Один, о котором я вскользь упомянул Вам, состоит в том, что рассказ мой будет напечатан. Это было моим первым опытом — и, к счастью, удачным. Теперь я с уверенностью последую своей склонности и займусь не на шутку писательством. Я уверен, что меня ожидает успех”. И добавляет, что писал рассказ “всего 4 дня”.

Радуется публикации и в дневнике, по своему обыкновению подробно описывая чувства и планы на будущее:

“... Как должна будет радоваться мать, так как, помимо этих невещественных радостей, рассказ даст ей радость самую реальную: деньги. Чего доброго, гордиться-

